

своя балетная труппа в Париже. Я оставил на нем свой выбор, потому что с этой ролью, мне кажется, справится не просто талантливый артист, но и думающий интеллигент, — говорит Фредериче.

С Милорадом Мицковичем, высоким, красивым человеком лет тридцати, мы познакомились после репетиции.

— Я должен был подписать контракт на гастрольную поездку по Америке со своей труппой, — сказал он. — И вдруг телефонный звонок. Из Орхуса. Аллан предложил мне танцевать роль Маркса... Па-де-Маркс? — переспросил я. — А ну повторите! И он повторил. Ну что ж! В Америку я смогу поехать в другой раз... А вот роль Маркса... И как вы видите — я здесь!..

Да, я видел его на сцене, на репетиции. На званом вечере у Вестфаленов гости танцуют салонные танцы — целая галерея чиновных монстров и среди них брат Женни, который впоследствии стал прусским министром внутренних дел. И вдруг в это собрание быстрым плавным шагом входит молодой Маркс. Танцующие смотрят на юношу надменно. Он тоже смотрит на них — и под его взором они становятся все меньше и меньше... И когда Карл устремляется к появившейся на сцене Женни, они уже не в силах помешать его страстному объяснению с девушкой.

Артисты, исполняющие заглавные роли, хороши, чего нельзя сказать обо всем ансамбле.

Но как бы ни относиться к этому, может быть, несколько наивному по замыслу спектаклю, и самый факт обращения к такой теме, и романтическая трактовка ее, и то, что известный в стране художник Пребен Хорнунг сделал эскизы декораций, и самый выдающийся композитор Данин Нильс Ригго Бентсон написал музыку балета — все это наши друзья расценивают как один из знаменательных симптомов появления датской творческой интеллигенции.

«ЖЕЛЕЗНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ»

«Встреча», которую устроили датчане «гостям» из Западной Германии — войскам бундесвера, также свидетельствует о большом сдвиге влево.

В 1956 году, когда докеры Орхуса разгрузили пароход, доставивший снаряды для складов НАТО, слесарь Лео Йенсен, механик Гаральд Рассмусен и каменщик Карстен Хитвер легли на рельсы, по которым должен был пройти поезд с боеприпасами. Я разговаривал с ними тогда, и надо прямо сказать, что для них этот акт был как бы жестом отчаяния оттого, что никто из докеров не послушался призыва не разгружать трюмы судна, доставившего в орхусский порт снаряды. И не помешать их доставке хотели трое юношей, они хорошо понимали, что силы-то слишком неравны — они стремились лишь привлечь внимание общества на грозящую опасность.

Да, времена изменились: тысячи и тысячи датчан весной и летом прошлого года ложились поперек дорог Ютландии, чтобы помешать перевозке и учению войск бундесвера, и действия их стали не только демонстрацией, но и прямой, труднопреодолимой помехой.

Когда в марте сорок восемь бронетранспортеров с немецкими солдатами пересекли границу Дании, чтобы в составе войск НАТО принять участие в военных учениях, на транс-ютландском шоссе номер десять им пришлось остановить машины. Тысячи датчан сидели почти вплотную на шоссе. Полицейские стаскивали людей с дороги, но они переходили на другое место и снова садились, ложились... Все шоссе было уставлено самодельными дорожными знаками, запрещающими движение... Мне показывали снимок, на котором известный борец против войны пастор Сэби стоит перед бронетранспортером, упираясь рукой в его капот...

С трудом полицейским удалось немножко продвинуть колонну немецких бронетранспортеров до первой боковой, далеко не магистральной дороги, куда она и свернула.

Кортеж должен был проследовать через Орхус, где также несколько тысяч человек своими телами собирались преградить путь немецкому подразделению. На митинге с горячим призывом противодействовать немецким реваншистам обратилась к избирателям депутат в парламенте от Орхуса социал-демократ Боструп-Франсен. Но транспортеры так и не появились в Орхусе. Они продолжали путь под охраной датских по-

лицейских вкруговую, по неудобным проселкам, оббегая населенные пункты, крадучись, как преступники. Когда же они прибыли к месту назначения, в Раннерс, вокруг казарм, отведенных для немецкой саперной роты, стояли пикетчики.

Две тысячи демонстрантов наутро окружили здание казармы, не давая солдатам выйти оттуда.

Произошла схватка с полицейскими, разгонявшими демонстрантов. Среди арестованных оказался и Карл Шарнберг — выдающийся оратор, школьный учитель в одном из городков Ютландии, талантливый писатель, ставший вожаком широкого антиимпериалистского движения молодежи.

— Ты знаешь Шарнберга? — спросил меня спутник.

Да, в дни Всемирного конгресса мира в Москве он однажды просидел у меня далеко за полночь, расспрашивая о нашей жизни, рассказывая о возмущающем им движении молодежи. У меня же он впервые встретился с исландскими товарищами, борющимися за ликвидацию американских баз у себя на острове.

— Оказывается, датчанам и исландцам надо приехать в Москву, чтобы познакомиться друг с другом, — шутили они.

В несколько ином виде мартовские события повторились в мае на западном, «Железном» побережье Ютландии в Яммер-Бутте — в Заливе Бедствий, изобилующем отмелями.

Тщетно настаивали ютландские рыбаки в течение десятилетий, чтобы здесь был построен порт с удобными причалами: каждый выход на берег даже для легких суденышек здесь не только труден, но и опасен.

Тысячи датчан ложились поперек дороги, чтобы помешать перевозке войск бундесвера.

И вот на этом-то побережье «союзники» по НАТО задумали провести в конце мая небольшую операцию: предстояло выгрузить с судов для нужд «армии» тысячу тонн горючего.

До сих пор немецкие войска неоднократно вторгались в Данию по суше, приходили с юга. Теперь с благословения местных властей разыгрывались подготовительные операции варианта высадки с моря, вдалеке от городских центров, в малонаселенных местах, где постоянные западные ветры перегоняют с места на место песчаные дюны... И все же в назначенное время на ближайшем к месту «операции» шоссе появились колонны автомобилей.

На автомобилях были номерные знаки разных городов Дании: копенгагенские и острова Фюна, Оденсе и самого южного острова Фальстера, и датского «Дальнего Востока» — острова Борнхольма... Сама колонна машин занимала два километра, и на каждом автомобиле был транспарант: «Немецким войскам в Дании — нет!», «Остановить немецко-датских милитаристов!».

На песчаный берег, где поджидался немецкий груз, машины сойти не могли. Остановившись на шоссе, они раздирали пелену глухого дождя протяжным воем своих клаксонов...

Ветер накатывал на берег высокие волны — разыгралась буря.

Побережье оправдало свое старое название «Железного»: в намеченные для

операции три дня немцам удалось струпить в Заливе Бедствий всего лишь сто шестьдесят тонн горючего.

— Природа пришла на помощь народу, — говорили датчане, — и, может быть, хорошо, что раньше здесь не выстроили порт?..

«88 АНОНИМНЫХ ПИСЕМ»

— Что ты делал вчера? — спросил меня Ханс Шерфиг, когда, вернувшись из Орхуса, я снова заехал к нему.

— Был у Арвида Мёллера.

Ханс молча вышел в соседнюю комнату, вынес оттуда и протянул мне книжечку.

— Двадцать лет я берегу ее! — сказал он.

Название этой довольно объемистой книжечки сразу привлекало к себе внимание: «88 анонимных писем». И хотя на обложке значилась и фамилия автора — Арвид Мёллер, и жирным шрифтом были напечатаны фамилии тех, кому они адресованы, эти письма и впрямь были в свое время анонимными.

В годы немецкой оккупации выступления некоторых общественных деятелей, не определивших четко свою позицию, можно было истолковать как косвенную поддержку «нацистского порядка», как непотребление режиму «образцового протектората». Иные коммерсанты и предприниматели совершали коммерческие сделки с фашистским командованием. И тогда-то Арвид начал свою партизанскую войну — он писал письма этому имярек, человеку, вытаскивая на «свет божий» суть его высказываний и поступков и беспощадной логикой показывая, куда они могут завести и какую службу сослужить врагу.

Письма свои он, известный карикатурист, сотрудник самой распространенной вечерней газеты, посылал без подписи. Фашисты и так не могли простить Арвиду его прогрессивную в свое время карикатуру: голова Гитлера выссовывается из унитаза, а рука его тянется к висящей на цепочке ручке, чтобы спустить воду, а заодно с ней и самого себя. Криминалом считалось и то, что Арвид был женат на русской. Нина Борисовна в Иркутске вышла замуж за датского инженера и уехала с ним в 1935 году в Копенгаген. Инженер через несколько лет умер, а она в 1940 году стала женой Арвида.

Большая часть писем Арвида достигала цели, только некоторые из адресатов упорствовали, превращаясь из людей заблуждающихся в прямых врагов.

Пастор Сэби преградил путь бронетранспортеру...

После войны, в сорок пятом году, Арвид выпустил свои письма отдельной книжкой. И тогда некоторые из тех, кто не внял его посланиям, публично оправдывались тем, что, якобы не получали их.

— Но это враки, — с хитрой улыбкой говорил мне Арвид. — Что-то, а датская почта и в те дни действовала безотказно.

На Нину Борисовну руководство движения Сопротивления возложило другую опасную обязанность. По ночам она ло-

вила по радио передачи ТАСС — телеграммы для периферийных газет...

Записав известия, Нина тут же переводила их на датский. А утром связной из подполья забирал их для нелегальной типографии.

— Часто этим связным бывал Эрик Хорскьер, — говорит Нина о нашем общем друге. — Мы называли его «бородатый мальчик». Бороду он отпустил для маскировки... — И вдруг, перебивая себя с присущей ей экспансивностью, спрашивает: — А что делает Пшеницын? Так хочется повидать его!

— Какой Пшеницын?

Оказывается, это фамилия диктора, читавшего сводки ТАСС.

Каждый раз, когда Нина Борисовна получает список группы советских туристов — а она сотрудничает в фирме «Народный турист», — то сразу же смотрит, нет ли Пшеницына.

— А впрочем, и без этого я бы его по голосу узнала мгновенно.

В дни венгерских событий редактор газеты потребовал от своего штатного сотрудника Арвида антисоветской карикатуры. Арвид Мёллер наотрез отказался. И его уволили. Возраст позволил Арвиду вскоре перейти на пенсию...

Нина, не желая оставлять мужа дома в одиночестве и рассчитывая на его помощь в новом для себя деле гида (словоохотливый, добродушный Арвид отлично знает свою страну), попросила его вместе с ней сопровождать экскурсии по Дании.

РАЗГОВОР С РУСАЛОЧКОЙ

— Арвид с Ниной помогли мне разыскать вчера Русалочку. Не статую, а живую! — похвастался я Шерфигу.

Эльза-Марианна еще в Орхусе рассказывала мне о том, что, когда несколько лет назад она должна была выступать в балете «Сильфида» (у нас он называется «Шопениана»), ей помогала восстановить роль в соответствии с замыслом создателя этого классического спектакля Бурнхольма бывшая прима Королевского театра Элен Прис. Она в свое время танцевала и Русалочку и так пленила в этой роли владельца пивоваренного завода «Карлсберг» Якобсена, что он заказал скульптору Эриксону статую, оригиналом которой должна была стать Элен.

— Значит, я могу познакомиться с живой русалочкой?

К сожалению, Эльза-Марианна не знала ни нынешнего адреса Элен Прис, ни даже того, жива ли она еще. А ведь ей уже за восемьдесят. Эльза-Марианна вспоминала лишь номер дома на одной из улиц южной окраины Копенгагена, где когда-то жила дочь балерины. Но и фамилию дочери она тоже запомнила. В телефонном справочнике Прис не значилась. Я был очень благодарен чете Мёллеров, которые помогали мне в нелегких поисках.

...В конце концов мы очутились в Доме для престарелых, принадлежащем районному муниципалитету. Сюда, нам сказали, после больницы перебралась шестидесятилетняя дочь Элен Прис.

От нее мы и собирались узнать, где находится ее мать. И вдруг в подъезде Арвид показал мне на список обитателей. Комната 22. Не дочь, а сама Элен Прис!..

Мы поднялись по отлогой лестнице на второй этаж.

Невысокая, седая, но легкая, изящная, несмотря на свои восемьдесят шесть лет, женщина приглашает нас сесть.

О, да, она очень рада познакомиться с советским писателем. А в прошлом году ее просто затеряли репортеры. Вспомнил о ней, когда хулиганы сорвали голову у Русалочки.

Небольшая комнатка гостиничного типа. На стенах — фотографии родственников и самой балерины, мебель, наверное, взята из дома, привычная... старомодная... Вазочки, вышитые салфетки... На низком столике — большое керамическое блюдо с изображением танцующей женщины...

— Это блюдо подарили мне керамикой Борнхольма к восьмидесятилетию, — говорит Прис, поймав мой взгляд. — Да, я позировала для Русалочки. Скульптор сделал много набросков и в движении, и когда я просто сидела. И на сцене, и у него в студии. Но, видите ли, тогда были другие нравы, — она улыбнулась своим воспоминаниям. — Так что для фигурки Эриксону кое в чем моделью послужила и его жена.